

Леонов

1984 125

31 МАИ 1984

Социалистическая индустрия

Союз ума и сердца

Леониду Леонову — 85 лет

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии советской литературы и в связи с восьмидесятипятилетием со дня рождения писатель Леонид Максимович Леонов награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Каждой встрече с выдающимся советским писателем памятна до мельчайших подробностей — так же, как и его книги. Прочитав раз, будешь вновь к ним возвращаться. Удивительно, но факт: первые рассказы Леонида Леонова, те знаменитые «Бурьян», «Туатамур», «Халиль» читаются с таким же интересом спустя шестьдесят лет, как и его вершинные романы «Русский лес», «Вор», «Барсуки».

По-молодому задорно и по-хозяйски основательно вошел он в отечественную литературу. Работал по 12—14 часов в сутки, радуя читателя рассказами, романами, пьесами, статьями. В 29 лет выпустил первое собрание сочинений в пяти томах. Трудящийся литератор, самобытный мыслитель, строгий ценитель и знаток русского художественного слова.

С понятным волнением автор этих строк приближался не так давно к заветной калитке дачи писателя в подмосковном поселке. В небольшом, но удобном для работы кабинете — все под рукой: письменный стол с портативной пишущей машинкой, на стенах — книжные полки. Книжки, впрочем, лежат везде, и видно, что они — в работе. Останавливает внимание и крестьянская утварь — короб, веретено и другие предметы, кажется, еще хранящие тепло человеческих рук.

В первой автобиографии двадцатичетырехлетний Леонид Леонов сообщал: «По сословию крестьянин Калужской губернии». На самом деле уже его деды осели в Москве, в купеческом Зарядье. Но память о крестьянском прошлом писатель хранит всю жизнь. Это чувствуется и в его облике: одет он просто — синяя рубашка с расстегнутым воротом, темные брюки, простые черные ботинки. Извиняется за свой отнюдь не «академический» вид — весь день работал в саду.

Этот сад, разбитый на плохой земле еще в тридцатые годы, стал для писателя не только местом отдохновения, но и нелегкого физического труда. Трудно поверить сегодня, гуляя по тропинкам, что все — от редких экземпляров земной флоры до легко узнаваемых среднерусских кустарников и деревьев, от коллекции кактусов, вынесенных по случаю теплой погоды на свежий воздух, до огромного муравейника — все, что можно увидеть на небольшом пространстве, посажено и выращено руками Леонида Максимовича.

Может, именно поэтому руки привлекают внимание в облике писателя. Руки мастера, руки крестьянина — обветренные, со сбитыми ногтями, зажившими ссадинами, тяжело лежащие на коленях. И вот чудо! Во время разговора они неожиданно легко и артистично, зримо подчеркивают мысль, скупое подчеркивают найденное слово, плавно закрутят фразу. Ими написаны замечательные вещи мастера, который, как он сам любит говорить, «работает строго». Каждый лист в процессе писания доводится до такой кондиции, когда на нем нет ни одной пометки — он переписывается вновь и вновь, раз за разом от начала до конца мелким, как его называл Горький, «микробым» почерком.

Любовь к труду, уважение к нему, обыденность работы — вот те качества, о которых любит рассуждать Леонид Максимович. Писатель удивительной прозорливости, он, как известно, первым в нашей литературе выступил в защиту родной природы, написал роман «Русский лес», получив за свой гражданский и литературный подвиг высшую награду — Ленинскую премию. Леонид Леонов остро и объективно, с конкретными предложениями поставил проблему охраны нашего отечественного культурного наследия. Он первым — уж не знаю, что здесь могло сработать: та же интуиция или же какое-то чувство пророчества, традиционное для нашей литературы, — предуга-

дал выход человека в космическое пространство. Более того, он говорил пятьдесят лет назад на Всесоюзном съезде советских писателей о том, что придет время «все большего расширения деятельности человека в космосе».

Леонов одним из первых обратился в своей публицистике к осознанию труда как творчества, как самодисциплины человека, как великой ответственности и душевной тяги. Он со всей страстью писал: «Мы вступаем в пору, когда глубже, выше и поэтичнее на языках земли будет звучать слово труд. И думается, что в эту пору преступление против коллектива, против общества будет караться не как нытье — принудительными работами, а наоборот — отлучением от труда, от творческого общественного процесса — караться бездельем, означаящим, что эта жалкая человекоподобная тварь хотя бы временно не нужна обществу». Гневные, но справедливые слова!

Он любит труд, хорошо работанную вещь. Об этом как-то мало писалось в нашей критике. Писатель с первых же своих произведений выезжал на заводы и фабрики, вникал до самой сути в производственные процессы, присматривался к людям, вел записи, которые потом легко и органично ложились на страницы художественной прозы.

1930 год. Роман «Соть». По словам А. М. Горького, — «самое удачное вторжение подлинного искусства в подлинную действительность». Молодой писатель, работая над этим романом, выезжал на строительство двух бумажных комбинатов на реке Сясь и в Балахне. Это были одни из первенцев социалистической индустрии — фабрики, которые должны были дать еще полуграмотной стране бумагу — для газет, для книг, для новой советской литературы. «Меня страшно поразил размах строительства Балахнинского бумажного комбината», — вспоминал он спустя тридцать лет. В таких следах воспоминаний, метко выхваченных глазом и удивительной памятью, таились выдающиеся замыслы романов постройки.

1935 год. «Дорога на океан». Железнодорожное полотно, тянущееся к великому морю. Не в нем ли предтеча нашего БАМа? Великолпно показан сам дух стройки, остро выведены производственные конфликты. Все это потребовало от писателя досконального знания материала. И он вновь выезжал на «место» — совершает поездки по депо и железнодорожным станциям.

1944 год. Повесть «Взятие Великошумска». Не изменяет методу своей работы Леонид Леонов и в трудные годы Великой Отечественной войны. Поездки на фронт, пребывание в танковой армии П. С. Рыбалко дали сильные впечатления, легшие в основу повести. И опять же жизненные факты наслоились на изученный досконально научно-технический материал по танкостроению. Леонов не считал себя вправе писать

о танкистах, не зная устройства их стальных машин. Кстати, после чтения повести в Главном автобронетанковом управлении один из высших офицеров сказал Леонову: «Угодно ли вам немедленно получить инженерно-танковое звание?»

Конец сороковых годов. Начало работы над «Русским лесом». Вновь поездки на лесозащитки в Вологодскую область, встречи с лесниками, беседы со специалистами. Великому роману предшествовали долгие годы собирания материала, осмысления проблем русского леса.

Каждый хороший писатель всегда устремлен в гущу жизни, он на переднем крае действительности. Однако Леонов говорит: «...невелика в литературе заслуга очевидца...» Мало видеть — нужно еще понимать, знать причины свершаемого, их истоки, их продолжение в будущее.

Великий трудящийся, он и сейчас в переделькинском кабинете прост и основателен в размышлениях об искусстве слова. Мы говорим о начале жизненной и творческой биографии писателя — именно этот период интересует меня как литературного критика. Но в ходе беседы у Леонова рождаются, отталкиваются от фактов, от жизненных реалий, какие-то другие мысли. Тогда он извиняется и что-то быстро записывает карандашом на клочке бумаги.

Ни отдыха, ни пустого времяпровождения! Собранный, которая, может, на время рассеивается только во время работы в саду, а может, там ему и приходят самые главные мысли, лежащие в уже почти законченную ткань нового романа, над которым писатель работает последние десятилетия?..

Незаметно пробежали часы беседы. Солнце уже садится, задевая за верхушки чернеющих елей. Выходим в леоновский сад, по дорожке доходим до этажерки с кактусами, обтянутой пленкой. «Пятьсот банок подарил Ботаническому саду, — говорит писатель. — Здесь то, что осталось». Я вспоминаю, вернее, напоминаю Леониду Максимовичу, как Горький упрекал молодого тогда автора романа «Соть» в том, что мол, за прихоть у него — собирать кактусы. «Да и привез мне из Мюнхена, — продолжает фразу Леонов, — редчайший экземпляр!»

Идет в глубь сада. Небольшой бассейн. «Здесь есть рыба», — и бросает корм. Рядом — три муравейника, обнесенные металлической сеткой, чтобы не зорили птицы. Интерес естествоиспытателя, зоолога, ботаника. Что еще? Какой еще урок жизнедеятельности преподнесет Леонов, до всего доходящий сам, имеющий за плечами лишь гимназию, разбирающийся в последних открытиях физики, знающий о работах генетиков, увлекающийся космическими проблемами? Он не наводит дилетантство. Его бог — труд. Его девиз: «Союз ума и сердца».

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ.

Фото А. КАРЗАНОВА.